

УДК 940.547(520)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЕ № 48

КОРНИЕНКО Татьяна Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории

ТАЛТЫНОВ Олег Владимирович,заведующий отделом программно-технического обеспечения
Управления дистанционных образовательных технологий**ШИРЯЕВА Елена Владимировна,**магистрант II курса гуманитарного факультета,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена различным аспектам повседневной жизни японских военнопленных в лагере села Черницы Лежневского района Ивановской области. Кроме того, уделяется внимание истории лагерного комплекса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вторая мировая война, японские военнопленные, повседневная жизнь, усадьба Воротыньских, репатриация.

KORNIENKO T.V.,

Cand. Hist. Sci., Docent of the Department of the World History

TALTYNOV O.V.,

Head of the Software and Hardware Department of Distance Learning Technologies Division

SHIRYAYEVA E.V.,2nd year Master student of the Faculty of Humanities,
Voronezh State Pedagogical University**THE JAPANESE PRISONERS OF WAR'S DAILY LIFE IN POW CAMP № 48**

ABSTRACT. The article is devoted to various aspects of Japanese prisoners of war's daily life in POW camp in the village of Cherntsy, Lezhnevsky district of the Ivanovo region, Russia. The history of the camp complex is paid attention to as well.

KEY WORDS: the Second World War, Japanese prisoners of war, daily life, Vorotytsky Manor, repatriation.

История повседневности – одно из современных направлений развития исторической науки, которое изучает повседневную жизнь людей в историко-культурном и политико-событийном контексте. В рамках этого направления в статье рассматривается жизнь японских военнопленных лагеря № 48.

Объектом исследования истории повседневности является рядовой человек или группа людей с их каждодневными проблемами питания, одежды, жилья, труда и отдыха, условиями развития духовной жизни. К традиционным письменным источникам в рамках данного направления относят так называемые «эго-документы», то есть документы личного происхождения (дневники, биографии, мемуары). Основными источниками, используемыми в предлагаемой на рассмотрение статье, являются дневниковые записи генерала Квантунской армии Отодзо Ямада [1], воспоминания медсестры лагеря № 48 Татьяны Васильевны Мотовой [2]¹, воспоминания

охранника лагеря Геннадия Петровича Головина [3]. Из официальных документов были привлечены недавно рассекреченные доклады министра внутренних дел Сергея Никифоровича Круглова и заместителя министра внутренних дел Семёна Никифоровича Перевёрткина в Совет министров СССР и ЦК КПСС [4; 5], схема лагеря и его характеристика, выполненные начальником данного лагеря подполковником Владимиром Степановичем Худяковым [6]. Можно выделить материалы периодических изданий, где помимо прочего содержатся воспоминания участников рассматриваемых событий с советской стороны: газета «Рабочий край» 1979 г. от 5 мая [7], 1992 г. от 4 февраля [8] и 1995 г. от 16–17 мая [9], «Ивановская газета» 1991 г. от 16 июля [10], 1996 г. от 11 октября [11] и № 91 от 22 мая 2012 г. [12]. Из изобразительных источников интерес представляют рисунки немецкого военнопленного генерала В. Шатца, хранящиеся в Музее истории Черницкого сельского поселения Черницкой муниципальной средней общеобразовательной шко-

¹ Авторы статьи выражают благодарность Сергею Геннадьевичу Смирнову – краеведу-энтузиасту г. Иваново – за предоставленные материалы.

лы [13]². Кроме того, анализировались опубликованные тексты международных соглашений, архивные и официальные документы руководства и соответствующих органов СССР.

Характерной чертой истории повседневности является переход от описания значимых событий непосредственно к самому анализу повседневности. Таким образом, следует сказать о главных исторических фактах, которые предопределили судьбу японских военных. 9 августа 1945 года СССР начал военные действия против Японии. Маньчжурская операция Красной армии стала одним из завершающих событий Второй мировой войны, и 2 сентября того же года состоялось официальное подписание Акта о капитуляции [14, с. 137]. Япония признала себя побежденной, что означало конец Второй мировой войны.

35 млн. человек оказалось в плену в результате Второй мировой войны. Более 4 млн. находилось на территории СССР, эти данные приводит В.П. Галицкий в своей статье «Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.)», здесь же автор опубликовал со ссылкой на архивные документы Государственного архива РФ (ГАРФ) (тогда ЦГА РСФСР) данные о количестве военнопленных Квантунской армии, взятых в плен в августе 1945 г., – 639,6 тыс. [15, с. 45].

Огромное количество попавших в ходе Второй мировой войны в плен солдат и офицеров делало необходимым создание условий для их размещения. 23 августа 1945 г. ГКО (Государственный Комитет Обороны) во главе с И.В. Сталиным принимает постановление № 9898 «О приёме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», проходившее под грифом «Совершенно секретно» [16].

Лагерь для военнопленных № 48 находился в селе Черны Лежневского района Ивановской области. Он размещался на территории бывшей усадьбы Воротынских. После революции помещицью усадьбу переоборудовали под санаторий для железнодорожников – «Санаторий имени Войкова». Далее в 1943 г. его для специальных целей арендовал НКВД. С лета 1943 г. в лагере № 48 Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР содержалось более 400 офицеров высшего командного состава немецкой и японской армий, это был первый «генеральский» лагерь на территории СССР [17, с. 202].

И сегодня комплекс бывшего лагеря располагается на высоком берегу реки Ухтохма, на северной окраине села, в окружении тенистого парка (рис. 1) и плодовых садов.

Рис. 1 – Аллея парка на территории лагеря № 48. Рисунок генерала В. Шатца 1948 г., хранится в архиве Музея истории Черницкого сельского поселения Черницкой муниципальной средней общеобразовательной школы

Территория усадьбы представляет в плане правильный прямоугольник. Перпендикулярно к фасаду главного дома и к центральной аллее расположен спуск к реке, что можно увидеть ещё на карте 1775 г. [18, с. 120] (рис. 2).

Рис. 2 – Фрагмент карты генерального межевания села Черны (по: Полуярова Д.Н. Архитектурно-парковый комплекс провинциальной усадьбы XIX–XX вв. как феномен культуры / Д.Н. Полуярова // Известия вузов. Ивановский государственный химико-технологический университет. Сер. 2, Гуманит. науки. – 2011. – № 2. – С. 118)

В мае 1943 г. началась подготовка к приему первой партии военнопленных. Согласно приказу НКВД СССР № 00689 «О расширении существующей сети и строительстве новых лагерей НКВД для военнопленных и спецконтингента» в течение очень короткого времени территорию бывшего санатория окружили высоким трехметровым забором, с обеих сторон которого располагалась двухметровая впаханная полоса и колючая проволока – так называемый предзона [17, с. 74–75]. В рапорте И.А. Петрова и начальника УКВ (Управление конвойных войск) В.М. Бочкова на имя Л.П. Берии «О

² Авторы статьи выражают благодарность Ольге Леонидовне Липчанской – учителю истории, краеведу, руководителю Музея истории Черницкого сельского поселения Черницкой муниципальной средней общеобразовательной школы, Анастасии Сергеевне Жуковой – ученице 10 класса Черницкой муниципальной средней общеобразовательной школы – за предоставленные материалы.

Таблица 1 – Из приговора двенадцати подсудимым военнослужащим Хабаровского процесса (по: Приговор военного трибунала // Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. – С. 534–536)

№	Фамилия/имя	Должность	Приговор
1	Ямада Отозоо	Генерал, главнокомандующий Квантунской армией	25 лет
2	Кадзицука Рюдзи	Генерал-лейтенант, начальник санитарного управления Квантунской армии	25 лет
3	Такахаси Такаацу	Генерал-лейтенант ветеринарной службы той же армии	25 лет
4	Кавасима Киоси	Генерал-майор медицинской службы той же армии	25 лет
5	Карасава Томио	Майор медицинской службы, начальник отделения отряда № 731	25 лет
6	Ниси Тосихидэ	Подполковник, начальник медицинской службы отдела отряда № 731	18 лет
7	Оноуэ Масао	Майор медицинской службы, начальник филиала отряда № 731	12 лет
8	Сато Сюдзи	Генерал-майор медицинской службы, начальник санитарной службы 5-й армии	20 лет
9	Хиразакура Дзенсаку	Поручик, научный работник отряда № 100	10 лет
10	Мимото Кадзоу	Старший унтер-офицер, сотрудник отряда № 100	15 лет
11	Кикучи Норимицу	Ефрейтор, санитар-практикант отряда № 731	2 года
12	Курусима Юдзи	Санитар-лаборант отряда № 731	3 года

Статус плененных генералов и старших офицеров определялся в соответствии с постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. № 1798-800с «Об утверждении положения о военнопленных», которое гарантировало соответствующее их статусу обращение, медицинскую помощь, возможность переписки и получения посылок [17, с. 65–68]. Согласно этому постановлению, приказом МВД СССР № 00939 от 22 октября 1946 г. «О введении в действие инструкции о порядке переписки военнопленных японцев с их семьями, проживающими в Японии, Маньчжурии и Корее» японским военнопленным было разрешено вести переписку. С целью контроля было предписано организовать в составе оперативного отдела УМВД отделение военной цензуры для проверки входящей и исходящей почтовой корреспонденции военнопленных. Каждому японскому военнопленному разрешалось отправлять 1 письмо в 3 месяца [17, с. 307–309]. С.В. Точенов отмечает: «Из-за того, что Советский Союз не счел возможным оформить официальное признание Гаагской (1907) и Женевской (1929) конвенций, где были специальные разделы о военнопленных, это сказа-

лось трагически на судьбах советских военнопленных. В гораздо меньшей степени это отразилось на генералах армий германской коалиции. В соответствии с "Положением о военнопленных" генералы и старшие офицеры могли привлекаться к труду только на добровольных началах» [19, с. 113].

Согласно лагерным инструкциям был определен распорядок дня: подъем, физзарядка – 07:00–08:00, 08:00–09:00 – завтрак, 13:00–14:00 – обед, массовые мероприятия (после завтрака или обеда). Когда их не было, генералы распоряжались временем по своему усмотрению. Ужин в 19:00–20:00, с 20:00 до 22:00 – политпросветработы, отход ко сну – в 22.00–22.30. Находиться в своей комнате нужно было после 22 часов [17, с. 466].

Нормы суточного довольствия для японских военнопленных были дифференцированы согласно приказу НКВД СССР и начальника Красной армии № 001117/0013 «С объявлением норм продовольственного снабжения для военнопленных японской армии» от 28 сентября 1945 г. [17, с. 377–380] (таблица 2).

Таблица 2 – Норма суточного довольствия для военнопленных генералов, офицерского и рядового состава японской армии (на 1 чел. в день в граммах) (по: Военнопленные в СССР (1939–1956 гг.): документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загоруйко. – М.: Логос, 2000. – С. 340–343)

№ п/п	Наименование продуктов	Количество		
		Генералы	Офицеры	Рядовые
1	Хлеб из муки 96% помола	300	300	300
2	Рис (полуочищенный)	300	300	300
3	Крупа или мука (из зерна пшеницы, овса, ячменя и бобовых)	100	100	100
4	Мисо (приправа к кушаньям из бобов)	50	50	30
5	Мясо	120	75	50
6	Рыба	50	80	100
7	Масло сливочное	30	-	-
8	Жиры животные	10	20	-
9	Жиры растительные	5	5	10
10	Сыр	20	-	-
11	Сахар	40	30	15
12	Сухофрукты	10	10	-

№ п/п	Наименование продуктов	Количество		
		Генералы	Офицеры	Рядовые
13	Чай	3	3	3
14	Соль	20	20	15
15	Овощи свежие или солёные	600	600	600
16	Папиросы	20 шт.	15 шт.	-
17	Спички (на месяц)	3 коробки	3 коробки	-
18	Мыло хозяйственное (в месяц)	300	300	300

В лагерь № 48 мясные и молочные продукты поступали из подсобного хозяйства, хлеб был свой – его выпекали в местной пекарне. Часть продуктов завозилась с продовольственных складов г. Иванова.

Согласно распоряжению НКВД СССР № 133 «О сборе, заготовке и переработке дикорастущей съедобной зелени в лагерях НКВД для военнопленных и интернированных» от 21 июня 1945 г. в качестве дополнения к рациону использовались грибы [17, с. 372]. Собирали их солдаты роты обслуживания, а контроль над сбором, сортировкой и приговлением осуществляла медсестра Татьяна Васильевна Мотова.

Японские военнопленные предпочитали свою национальную кухню. В интервью Татьяна Васильевна рассказала: «Как медсестра, я была обязана снимать пробу со всех блюд. Особенно мне нравилась треска, панированная в сухарях, а не нравился салат из ромашки, который заменял привычный для японцев салат из хризантем» [2].

Можно предположить, что увеличение в дневном рационе офицеров и генералов мяса при пропорциональном сокращении рыбы в сравнении с рационом рядовых (таблица 2) японских офицеров и генералов не радовало, поскольку в их национальной кухне бульшая роль отводится морепродуктам.

Кухня и столовая содержались в чистоте. Даже в самую жаркую погоду в пищеблоке не было мух. Ни один солдат не мог появиться на кухне в повседневной одежде. Более того, солдат не попадал на кухню, не побывав предварительно в душе. Ординарцы и персонал питались в столовой при кухне. Их рацион, как и рацион солдат хозяйственной роты и персонала лагеря из числа военнослужащих советской армии, был значительно беднее генеральского. Другие комнаты столовой служили чем-то вроде клуба: в гостиной стоял рояль, бильярд. Рядом располагалась библиотека, оставшаяся со времён санатория. Она постоянно пополнялась книгами. Были налажены связи с отделом культуры Ивановского горисполкома с целью использования фондов городских библиотек и даже библиотеки им. В.И. Ленина в Москве [19, с. 115].

На высоком уровне в лагере было поставлено медицинское обслуживание и обеспечение лекарственными препаратами. Медсанчасть располагалась на 1-м этаже административного здания, ее начальником был Василий Мотов, отец медсестры Татьяны Мотовой [2].

По воспоминаниям Т.В. Мотовой, отношения между администрацией, персоналом лагеря и генералами были корректными. С сотрудниками, включая роту охраны, проводились беседы, с помощью которых их настраивали на соответствующее поведение в отношении пленных. В массе своей последние спокойно относились к руководству лагеря и персоналу [2].

Как вспоминает Г.П. Головин, бывший солдат службы внешней охраны лагеря, японские военнопленные в первое время пребывания в лагере своим

поведением несколько отличались от немцев. Несмотря на вечно присутствовавшую на лице улыбку, корректное поведение, поклоны при приветствии, японцы с большим трудом контактировали с персоналом лагеря. Позже трудолюбивые, организованные, не теряющие оптимизма японцы, многие из которых неплохо освоили русский язык, заслужили доброжелательное отношение персонала и лагерной администрации. Отношения же их с немцами в течение всех 1950-х гг. оставались прохладными, генералы вермахта проявляли к своим бывшим союзникам высокомерие, не считая их равными себе [19, с. 116].

Японские военнопленные проживали в комнатах по 2–3 человека, при желании могли гулять в садике, примыкающем к корпусу. Свобода передвижения не была ограничена. В ночное время по коридору, в который выходили имеющие глазок двери всех комнат, ходил конвоир. Японцы участвовали во внутренних хозяйственных работах, увлекались садоводством и огородничеством. Им была предоставлена возможность отправления религиозных обрядов и самостоятельной организации досуга [19, с. 122].

Количество содержащихся в лагере японцев менялось в течение 1950-х гг. Кого-то досрочно репатриировали, несколько человек умерло. В документальном фильме Е. Масюк «Конвейер смерти» есть материал о Томио Карасава, который накануне освобождения и отъезда из г. Иваново повесился в лагерной бане на палках, где сушили бельё. Супруга Томио, Тоёко Карасава, предположила следующее: «Мой муж чувствовал ответственность за содеянное, вот и накинул себе верёвку на шею» [21].

После смерти Сталина и в связи с некоторым улучшением советско-японских отношений в середине 1950-х гг. лагерь № 48 неоднократно посещали различные японские делегации. По докладам министра иностранных дел С.Н. Круглова и его заместителя С.Н. Перевёрткина можно определить состав японских делегаций [4; 5]. Как докладывал Круглов в Совет министров СССР, 1 июня 1955 г. лагерь посетили члены делегации японских ученых – профессора Намбара, Муто и корреспондент Киёкава. После общей беседы профессор Намбара передал осужденным подарки – сладости и японский чай. Кроме того, он привез заключенным для ознакомления свой печатный труд. Затем члены делегации осмотрели жилые и коммунально-бытовые помещения, а также территорию лагеря, высказав при этом своё удовлетворение чистотой и порядком. Все разговоры с осужденными сводились главным образом к вопросу о возвращении их на родину. Пробыв более двух часов в лагере, члены делегации отбыли в Москву. Перед отъездом Намбара, Муто и Киёкава поблагодарили администрацию лагеря за проявленные к ним внимание и заботу [4].

Процесс репатриации тех военнопленных, которые еще оставались в заключении на территории

СССР, пошел быстрее после смерти И.В. Сталина. На родину из лагерей уехала большая группа немецких заключенных, в числе которых был и фельдмаршал Паулос. Однако репатриация 1953 г. практически не затронула немецких военнопленных черницкого лагеря. Освобождение немецких военнослужащих, в массе своей, началось после подписания указа от 28 сентября 1955 г. «О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны» [22, с. 411].

Но и после этого лагерь продолжал функционировать. Весной 1956 г. в него прибыл принц Фумитака Коноэ, старший сын бывшего премьер-министра Японии, член императорской семьи, лейтенант и командир артиллерийской батареи. В конце октября он поступил в санчасть с жалобами на сильные головные боли, слабость, отсутствие аппетита и расстройство сна. Этому пациента медсанчасти лагеря спасти не удалось. В докладе С.Н. Перевёрткина в ЦК КПСС от 30 октября 1956 г. сказано: «29 октября в 5 часов утра умер Коноэ Фумитака. Смерть Коноэ Фумитака наступила от кровоизлияния в левое полушарие головного мозга» [23].

Особое внимание Коноэ Фумитака уделяют авторы монографии «Палачи и жертвы» В.А. Бобренёв и В.Б. Рязанцев. В отдельной главе «Японцы на этапах ГУЛАГа» они сообщают о том, что принц был похоронен на местном кладбище [24, с. 135–197]. В 1957 г. его вдова после длительной переписки и получения соответствующего разрешения доставила тело мужа в Москву в цинковом гробу, там кремировала, а урну увезла с собой на родину [24, с. 167–169; 25].

Другой высокопоставленный узник – командующий Квантунской армией генерал Ямада – был досрочно освобожден от уголовного наказания и, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1956 г., подлежал репатриации [17, с. 886].

В период с 17 по 27 мая 1956 г. генерал Ямада возвращался из Черницкого лагеря на родину. В дневниковых записях, которые он вёл во время путешествия по СССР, бывший генерал с грустью вспоминал своих друзей, с которыми не успел проститься, отмечал сердечность и внимательность сопровождавших его сотрудников лагеря, в традиционных японских четверостишиях – хокку – описывал безграничные просторы России и состояние своей души:

Воды широкой Волги как бы указывают на вечность Вселенной.

Популярная Волга ныне не оглашается песнями бурлаков.

Вдалеке, видимо, в колхозной деревне, виднеется колокольня церкви.

Солнце село за краем полей и виднеется только тёмный силуэт высокой колокольни [1].

В своих письмах, написанных на русском языке из Японии к сотрудникам НКВД и медицинскому персоналу лагеря, он выражал благодарность «за сердечную заботу и помощь», «за любезный, равносильный родственному уход» во время болезни, «за проявленное внимание вплоть до мелочей» [1]. Сохранилась также переписка Ямада с его друзьями, оставшимися ещё в заключении в лагере № 48. Эти уникальные документы были представлены обще-

ственности в Центральной универсальной научной библиотеке г. Иваново 9 августа 2012 года [1].

Репатриация оставшихся на территории Советского Союза японских военных преступников состоялась после подписания 19 октября 1956 г. совместной декларации о прекращении состояния войны [26, с. 257–260]. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1956 г. «Об амнистии японских граждан, осуждённых в Советском Союзе» осуществлялась репатриация японских военнопленных в лагере № 48 [17, с. 886].

В середине декабря 1956 г. из Иванова пассажирским поездом в Москву были доставлены поданные Японии. Перед отправкой из лагеря все они были обеспечены продуктами, генералы – полным комплектом гражданского платья, а остальные – одеты по сезону.

Сохранились воспоминания Г.П. Головина, изданные в областной Ивановской газете в 1996 г., где бывший солдат охраны лагеря рассказал следующее: «В 1956 году пленных отправили домой. Был митинг, выступал начальник управления внутренних дел (УВД) Ивановской области – генерал Портнов. Перед отправкой всем выдали четырёхдневный сухой паёк. В него входили: колбаса копченая, масло, сыр, сигареты, 3,5 кг белого хлеба, 0,5 кг шоколадных конфет, печенье, мясной паштет, консервы, икра кабачковая. Также снарядили их и одеждой. Каждому выдали по костюму с галстуком, пальто, хромовые офицерские ботинки, фетровую шляпу и две пары шелкового и трикотажного белья» [3]. Запомнил всё Геннадий Петрович потому, что сам выдавал эти вещи со склада.

Также вернули все изъятые и описанные при аресте личные вещи. По просьбе репатриантов для них была организована экскурсия по Москве. А в Хабаровске в Доме офицеров, где 7 лет назад проходил судебный процесс над этими же людьми как военными преступниками, местные власти устроили прощальный банкет с концертом и угощениями. Об этом вспоминает бывший военный переводчик – Анатолий Протасов, который на протяжении всего судебного процесса переводил вопросы следователей к японским обвиняемым [27].

Внимательное отношение к японским военнопленным соответствовало политике советского правительства в Азиатско-Тихоокеанском регионе конца 1940-х – середины 1950-х гг., осуществлявшейся в условиях послевоенного переустройства мира. Прошедшие «генеральский» лагерь японцы (с которыми ежедневно проводилась двухчасовая «политпросветработа», изучался русский язык, кому был предоставлен доступ к музыке, бильярду, библиотекам, парковым прогулкам и т.д.) рассматривались, очевидно, как дружественный СССР человеческий ресурс и хороший потенциал для политики сближения между двумя странами. О том, что позитивный настрой по отношению к СССР и России у бывших японских военнопленных сохранился, свидетельствуют, например, письма, дорожные заметки, стихи и воспоминания генерала Ямада.

Передача японских военнопленных представителям японских властей была произведена 23 декабря 1956 г. в порту г. Находка.

За время пребывания в Черницах скончались 5 японских военнопленных: Фумитака Коноэ, Юдзиро Ногучи, Масатаки Сиина, Томио Карасава и Такаацу Такахаси. Родственники некоторых из них приезжали в Черницы в 1987 г. «О приезде делегации нам сообщили за 3 дня, – вспоминает бывший

председатель сельской администрации Юнона Гущенко. – Мы приготовили для них носки, резиновые сапоги и купили саженцы. На сельском кладбище, на участке, где были похоронены японские и немецкие военнопленные, приехавшие родственники устроили целый ритуал: покрыли могилы национальным флагом, долго говорили, молчали, даже пели. С собой они привезли желтые тюльпаны. Каждый брал цветок и возлагал на могилы. Японцев тогда очень поразило, что место захоронения находится в порядке» [25].

Сейчас на сельском кладбище территория с захоронениями немецких военнопленных благоустроена, а места, где лежат японские военнопленные, можно опознать лишь по пустотам между плитами немецких военнопленных (рис. 4).

Рис. 4 – Кладбище военнопленных в селе Черницы (по: Валькова В. И японским генералам в Черницах хватило места / В. Валькова // Сельская газета. – 2010. – №. 30)

Таким образом, история самого крупного «генеральского» лагеря на территории Советского Союза завершилась в 1956 г. с репатриацией последних военнопленных.

Комплекс бывшего исправительно-трудового лагеря в 1958 г. переделали детскому интернату. Сейчас для него построили новое здание, а старые корпуса лагеря практически полностью разрушились. Стены немецкого корпуса пока стоят, на месте японского – пустырь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ямада, Отодзо. Архивные материалы личной переписки бывшего Главнокомандующего Квантунской армией Полного генерала Ямада Отодзо (Отодзо), отбывавшего наказание в исправительно-трудовом лагере для военнопленных № 48 в селе Черницы Лежневского района Ивановской области [Изоматериал, рукопись] : пер. с яп. [Текст] / Ямада Отодзо (Отодзо). – Иваново, 2012. – 16 отд. л с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://chastnik.ru> (дата обращения: 11.06.15).
2. Мотова, Т.В. Воспоминания о работе в лагере [Текст] / Т.В. Мотова // Личный архив С.Г. Смирнова.
3. Куклева, М. Пауллоса спас винограет [Текст] / М. Куклева // Рабочий край. – 1995. – 16 мая. – № 88.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 512–514.
5. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 482. Л. 20.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 97. Л. 7.
7. Рабочий край. – 1979. – 5 мая.
8. Рабочий край. – 1992. – 4 февраля.
9. Рабочий край. – 1995. – 16–17 мая.
10. Ивановская газета. – 1991. – 16 июля.
11. Ивановская газета. – 1996. – 11 октября.
12. Ивановская газета. – 2012. – № 91 (5180). – 22 мая. – С. 29.
13. Архив исторического музея Черницкого сельского поселения Муниципальной Черницкой среднеобразовательной школы.
14. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. : Госполитиздат, 1955. – Вып. XI. – 198 с.
15. Галицкий, В.П. Бражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) [Текст] / В.П. Галицкий // Военно-исторический журнал (ВИЖ). – 1990. – № 9. – С. 45.
16. Русский архив: Великая Отечественная / под ред. В.А. Золотарёва. – М. : Терра, 1993. – Т. 7 (2) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.teatrskazka.com> (дата обращения: 11.06.15).
17. Военнопленные в СССР (1939–1956 гг.): документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загоруйко. – М. : Логос, 2000. – 1116 с.
18. Полуярова, Д.Н. Архитектурно-парковый комплекс провинциальной усадьбы XIX–XX вв. как феномен культуры [Текст] / Д.Н. Полуярова // Известия вузов. Ивановский государственный химико-технологический университет. Сер. 2, Гуманит. науки. – 2011. – № 2. – С. 119–124.
19. Точенов, С.В. Лагерь № 48 [Текст] / С.В. Точенов // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С. 113–125.
20. Валькова, В. И японским генералам в Черницах хватило места [Текст] / В. Валькова // Сельская газета. – 2010. – №. 30.
21. Конвейер смерти : документальный фильм / реж. Елена Масюк. – 2004, 01:06:35. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=fJ4CtDziuVk&feature=youtu.be> (дата обращения: 11.06.15).
22. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.) / сост. М.И. Юмашев, В.А. Жалейко; под ред. М.И. Мандельштам. – М. : Госюриздат, 1956. – 500 с.
23. ГАРФ. Ф.Р9401. Оп. 2. Д. 482. Л. 20.
24. Бобренёв, В.А. Палачи и жертвы [Текст] / В.А. Бобренёв, В.Б. Рязанцев. – М. : Воениздат, 1993. – 379 с.

25. Шаронов, И. В Чернцом лагере отбывали сроки японские врачи [Текст] / И. Шаронов // Ивановская газета. – 2012. – 22 мая. – № 91 (5180). – С. 29.
26. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. : Госполитиздат, 1960. – Вып. XVII–XVIII. – 666 с.
27. Философия ножа. Анатолий Протасов : документальный фильм / реж. Андрей Исканов, 2008, 00:46:29. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=gErOSKLVG7E> (дата обращения: 11.06.15).